

² Яновский Н. Н. Л. В. Азадовская // Сибирь. 1985. № 2. С. 94—102.

² Издание, приуроченное к 25-летию кончины В. К. Арсеньева, получило единодушное одобрение. См.: *Молдавский Д. М.* Путешественник и писатель // Ленингр. правда. 1956. 5 февр.; *Гурвич И. В. К. Арсеньев — путешественник и писатель* // Сов. этнография. 1956. № 2. С. 164—165; *Гор Г. В. К. Арсеньев — путешественник и писатель* // Нева. 1956. № 3. С. 176; *Роголь Н. В. К. Арсеньев — путешественник и писатель* // Дальн. Восток. 1956. № 6. С. 180—181; *Марков С.* Следопыты Дальнего Востока // Новый мир. 1956. № 8. С. 269—270. В конце 1956 г. очерк был напечатан еще раз в сокращенном виде Детгизом.

⁴ Сам том появился лишь в 1957 г. под заглавием: *Арсеньев В. К.* Жизнь и приключения в тайге / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. Азадовского М. К. / Под. ред. акад. Обручева С. В. М., 1957. Рецензия: *Утков В.* И наука, и эстетика, и этика // Сиб. огни, 1958. № 1. С. 181—182.

⁵ Вопросы, впервые поднятые М. К. Азадовским, развиты и дополнены в книгах: *Кузьмичев И. С.* Писатель Арсеньев: Личность и книги. Л., 1977, *Тарасова А. И.* Владимир Клавдиевич Арсеньев. М., 1985.

⁶ Сначала «Легенда о Шапове» была помещена в Сибирской живой старине. 1923. Вып. 1. С. 59—71, затем вышла отдельной брошюрой (Иркутск, 1923), воспроизводимой в данном сборнике.

⁷ Народные рассказы о декабристах, записанные позже (например, А. В. Пруссак в Иркутской губернии), подтверждают высказанные предположения и выводы.

⁸ При подготовке ее к печати (Вестник просвещения. 1921. № 5—7. С. 1—16) М. К. Азадовским были добавлены подстрочные примечания, увеличены и расширены цитаты.

⁹ Новейшие исследования доказывают правильность гипотезы ученого. См. *Путилов Б. Н.* «Сборник Кириши Данилова» и его место в русской фольклористике // Древние российские стихотворения, собранные Киршию Даниловым / Подгот. Евгеньева А. П., Путилов Б. Н. 2-е изд. М., 1977. С. 374—375.

¹⁰ Успешной реализацией задач, выдвинутых М. К. Азадовским почти 70 лет назад, явилось, например, последующее собирательство Т. А. Шуба в низовьях р. Индигирки, К. А. Копержинского в Иркутской области, А. И. Лазарева в Барабе, создание обобщающих трудов В. М. Сидельниковым «Былины Сибири» (Гомск, 1968), В. С. Левашовым «Былина в Забайкалье» (Иркутск, 1980).

Д. А. Гранин. Ленинградский каталог // Нева. 1984. № 9.

С. 65—84. 1 илл.; е го ж е. Ленинградский каталог. Л., 1986. 111 с. 89 илл.

Каталог. Это значит обычно описание какой-либо коллекции или, как говорят, «собрания». Что же собрал на этот раз известный писатель? Какие редкости? Какие древности?

К Д. А. Гранину обратился за консультацией художник В. С. Васильковский, зарисовывавший в свой альбом отнюдь не какие-то древности, а предметы, в наше время редкие или даже забытые, но еще недавно — буквально считанные десятилетия тому назад — широко употреблявшиеся. Рисовал он, не задаваясь целью систематизации, а просто по мере того, как видел или вспоминал эти предметы или явления, так что на одном листе (некоторые листы альбома помещены и в статье, и в книге) можно увидеть умывальник, ботинки, футболку, примус, старый автомобиль иностранной марки, каких не встретишь теперь. Художника интересовали меблировка коммунальной квартиры, обстановка кухни и жилой комнаты, костюм ленинградцев 1920—1930-х годов, манера одеваться людей из разных слоев населения города — рабочего, учащегося, служащего, наконец, человека, что называется, преуспевающего, выбившегося в начальники. Он рисовал трамваи с открытыми площадками, извозчиков, упряжку ломового — словом, все то, во что одевались, на чем готовили, на чем ездили ленинградцы, когда с одеждой были большие трудности, но тем больше было к ней внимания (хотя и не одобрялась не только какая-либо роскошь, но иногда и ношение галстука), когда на кухне был десяток примусов и керосинок, принадлежавших разным хозяевам, а газовая плита была большой редкостью, когда не было метро, а трамваи ходили «обвешанные» людьми, уцепившимися за наружные ручки и кое-как державшимися на подножках. И, конечно, еще многое другое, чего не перечислишь в краткой рецензии.

Но оказалось, что многие предметы и явления прочно забыты и не так-то просто установить, что для чего служило, как называлось.

Д. А. Гранин охотно стал консультировать художника и скоро сам увлекся городским бытом 1930-х годов — временем своего отрочества и юности. Он вспоминал свой дом с большим, типичным для Ленинграда двором, в который нет-нет да и заходили то бродячие артисты — шарманщик, который часто был и предсказателем судьбы (ручной попугай или морская свинка тянули для желающих «жребий»), небольшой ансамбль с певцом или певицей (мать писателя как-то спела с музыкантами и так увлеклась, что пошла с ними в соседний двор), то разносчики или старьевщики, эти санитары городских квартир, находившие применение разному старью. Двор — арену детских игр, большой дом с его чердаком и подвалом, тоже прекрасно известными всем мальчишкам, перенаселенную квартиру, скромный быт своих родителей и соседей. Ритуал отцовского бритья (тогда брились по большей части «опасной» бритвой — помните, с помощью такой Ипполит Матвеевич Воробьянинов попытался свести свои счета с Великим Комбинатором?), даже немецкое клеймо на бритве: гордились клеймом фирмы «Золинген». Или не менее милый детскому сердцу ритуал одевания родителей перед тем, как пойти в гости или в театр. Как отец иногда не мог найти нужную запонку, чтобы

пристегнуть к рубашке свежий воротничок (кто теперь помнит эти пристежные воротнички?). А тогдашние улицы и площади, замощенные булыжником (асфальтовое покрытие было редко даже для тротуаров)! На этих мостовых трясло даже в пролетке с дутыми шинами. А какой грохот понимался, когда по мостовой проезжал обоз ломовых телег с их железными шинами! Иной была и застройка улиц. А в праздник улицы, площади, парки наполняла иначе, чем теперь, одетая, иначе себя ведущая толпа; иными были и городские рынки.

И вновь возвращаясь к дому, писатель вспомнил вечера в кругу семьи, когда не сидели, как теперь, у телевизора, а зачастую читали друг другу вслух или в меру способностей музицировали.

Словом, тема старого Ленинграда увлекла еще не старого ленинградца. Д. А. Гранин помог В. С. Васильковскому сделать альбом, но на этом не закончилось его увлечение ленинградским бытом. Писатель продолжал вспоминать, искать, познакомился с другим увлеченным человеком — И. А. Фоминых, описал его метод исследования недавнего прошлого, способы собирания вещей от старых ленинградцев, квартиру И. А. Фоминых на острове Голодай — настоящий музей, устраиваемые И. А. Фоминых выставки в домах культуры: «Комната учительницы до революции», «Мастерская механика начала века». Замечу от себя, что подобная работа ведется историческими и краеведческими музеями в некоторых городах нашей страны.

Бывая за границей, Д. А. Гранин обратил внимание на то, как изучают свое недавнее прошлое в других странах, и познакомился с Музеем культуры XX века в Западном Берлине и выставкой этого музея «Вещи и товары пятидесятих годов». Он увидел, что людей, равнодушных к недавнему прошлому, немало. Д. А. Гранин пришел к выводу важному, далекому от ностальгического любования стариной: старые вещи, старые обычаи нужно знать, чтобы строить новую жизнь. Не все старые вещи исчезли бесповоротно. Многие еще вернутся и могут сослужить полезную службу. Приведенный Д. А. Граниным пример визитных карточек отнюдь не единичен. Если визитные карточки в общем-то мелочь, то этого никак не скажешь, например, про городской двор. В наше время повсюду многоэтажные дома строятся по большей части без дворов. Новый квартал представляет собой скопление больших домов, стоящих торцом или даже углом к улице, а то и группами в глубине зеленых насаждений, образующих некий общий сад. Но раздаются уже голоса архитекторов-градостроителей, что от старого двора рано отказались, что он нужен всем, и прежде всего детям, для которых служит настоящей школой социального опыта, что без двора нет и улицы¹. Так, может быть, архитекторы еще подумают и вернут городу дворы (конечно, не грязные, запущенные, а упорядоченные)?

Не следует предавать забвению и то, что уже не вернется: ведь это яркие аксессуары истории недавнего времени, нашей с вами истории. Не доводить же до необходимости изучать эту культуру с помощью археологических раскопок, как это делается для отдаленных эпох!

Д. А. Гранин сначала опубликовал обо всем этом серьезную статью в журнале «Нева», интересную и поучительную, заставившую задуматься не только специалистов, но и гораздо более широкий круг читателей, ибо в ней поставлен животрепещущий вопрос об отношении к нашему собственному недавнему прошлому.

Замечательно, что он не остановился на этом, а создал на основе статьи прекрасную книгу для детей среднего и старшего школьного возраста. Небольшая, но богато иллюстрированная книга выпущена Ленинградским отделением издательства «Детская литература», и, нужно думать, она предназначена прежде всего для юных ленинградцев — ведь речь идет об их родном городе. Но книга эта представляет большой интерес и для гораздо более широких читательских кругов: увлечение историей родного города свойственно юным (и не только юным) гражданам всех городов нашей страны, и книга читается не одними ленинградцами, а всеми, кому дорога история Родины. Это очень полезное увлечение: оно помогает сравнить недавно прошедшее с настоящим, узнать много нового о жизни предыдущих поколений, теснее связывает молодежь с ее отцами и дедами.

Понятно, что художник, заинтересовавшийся старым ленинградским бытом и, видимо, представлявший себе значение связанных с ним проблем, обратился к автору «Блокадной книги» и «Картин», который на этот раз создал книгу для детей, снабженную яркими иллюстрациями (над ними работал художник Г. Никеев), живую, интересную, зовущую любить и изучать родную культуру. И пусть не все еще детали определены в книге точно (например, понятия «гамаши» и «гетры», судя по словарю С. И. Ожегова — с. 123, 126, еще не детерминированы окончательно, а на рисунках — с. 66 статьи с. 8—9 книги — изображены именно гетры, а не гамаши, как утверждает автор), картина быта старого Ленинграда и задачи изучения большой области русской культуры проступают ясно, сочно, интересно.

Следует сказать, что этнографическое изучение Петербурга-Ленинграда все же развивается, хотя и медленнее, чем хотелось бы. Этим занимаются Институт этнографии АН СССР (Ленинградской его части принадлежит инициатива организации конференций «Этнография Петербурга-Ленинграда» и издания сборников, посвященных этой же теме), Музей истории Ленинграда, ряд архитектурных мастерских. На упомянутых конференциях, обсуждая вопрос о музеефикации одного из кварталов города и в порядке подготовки к этому, Музей истории Ленинграда открыл большую выставку.

Однако всего этого недостаточно, ибо есть опасность утраты материалов, относящихся к 1920—1940-м годам.

М. Г. Рабинович

¹ Ср. Гутнов А. Э. Город и деревня — диалог сквозь века // Знание — сила. 1984. № 8. с. 40.